

Интеллигенция

Человек, знакомый с русской классической литературой и хотя бы мало-мальски имеющий понятие о ценностях христианского характера – некой морали и нравственности, – будучи неглупым и более-менее способным анализировать происходящую вокруг жизнь, может с лёгкостью заключить в своих размышлениях, что как бы развит ни был людской ум и разум – интеллект или эрудиция, – всё это ничегошеньки не стоит, и ломаного грошика, коль сердце при этом нечисто и странствует в дебрях страстных грехопадений. Короче говоря, если вы умны и развиты, но при этом дурны собой, то человек из вас на троечку.

Так, в рядах распрекрасной отечественной интеллигенции – среди писателей, музыкантов, художников и прочих архитекторов отыскиваются целые толпы эгоцентричных гордецов, безнадёжно плавающих в бесконечном океане тщеславия и эгоизма. Они читают умные книги, слушают классическую музыку, говорят на высокие темы – искусствоведы, одним словом, а человеческого в них столько же, сколько в обрызглых канализационных крысах.

Что главным образом отличает человека от животного? Наличие сознания? Разум? Нет, дорогие мои. Человека от животного главным образом отличает не только обладание сознанием, разумом, а ещё и способность использовать эти самые разум и сознание в целях благих и, если хотите, высоких. Человеком нужно уметь быть. Умения же красноречиво рассуждать об искусствах, философствовать о любви и смысле бытия делают вас хорошими ораторами, литераторами, мыслителями – кем угодно, но никак не хорошими людьми. А задраный нос и пренебрежительное отношение

ко всякому, кто не силён ни в философии, ни в искусствах и вообще не имеет никаких особенных талантов, делают вас падалью. Дескать, я – великий пианист! Художник и поэт! Шахматист и математик! А ты всего лишь мужичок, жалкая шавочка – перестань твякать и поскорее принеси мне бокал вина. Эх вы, интеллигенция...

Когда я был юношей, меня пригласили на небольшой концерт фортепианной музыки; кто пригласил – не помню, да это и не так важно. Сам я музыкантом не был – так, поигрывал, бывало, на гитаре, но в музыке кое-что смыслил – самую малость. С классическим же фортепиано я был на крепкое «вы», но во мне притаилось неслабое желание познакомиться с сим чудом поближе. Мне хотелось научиться понимать классическую музыку – не потчевать же себя до конца дней своих одним только рок-н-роллом.

Мероприятие проходило в местной консерватории, при участии студентов и выпускников именитого преподавателя по классу фортепиано – славной женщины, что на досуге промышляла ещё и любительской поэзией. Она была первой особой, появившейся тогда на сцене и обратившейся к публике с приветствием:

– Сегодня, в этот чудесный вечер, стены родного нашего учебного заведения наполнятся восхитительным духом бессмертной музыки. И пусть ваши сердца прочувствуют его – дух истинной красоты...

Я хорошо запомнил её внешность – это была эффектная женщина, хоть и не молодая: длинные волосы каштановых тонов, слегка волнистые, темно-зелёного оттенка платье, почти касавшее пола, и полные блеска глаза – глаза настоящего романтика.

– Рахманинов, Шуберт, Скрябин, Чайковский... Музыка, навеки любимая всеми нами. Дамы и господа, мы начинаем наш концерт! – Она обладала достаточно красивым голосом, и ей, кстати говоря, удалось продемонстрировать залу все его сильные стороны – где-то в середине своей вступительной речи она порадовала публику стихотворением собственного пера, это было действительно достойно.

За роялем показалась фигура молодого человека – важный вид, серый костюмчик – весьма элегантный, стоит признать, чуточку длинноватые волосы, – неуязвимая самоуверенность читалась на его лице. Секунд с пять сидел он неподвижно, тяжело дыша, потом стал усаживаться поудобней и разминать пальцы. И вот наконец, на радость слушателям, представление началось – он заиграл что-то рахманиновское – торжественное и великое.

Это был симпатичной наружности парень, из него слепили толкового пианиста. Мне понравилась его игра, и я вместе со всеми знатно заплодировал после взятой им последней ноты. Он играл что-то ещё, быть может, не без ошибок, но довольно хорошо – достойно, в общем.

Далее нас порадовали темноволосой красавицей-выпускницей – с длинными пальцами и коротким платьем – достаточно коротким, чтобы суметь рассмотреть её изящные белоснежные ноги. Приятной внешности девушка. Начав выколачивать одну за другой ноты из несчастного рояля, она создавала музыку – прекрасную и завораживающую. Стало совсем не до её ног. Она играла ещё лучше, чем выглядела, – вечер мне нравился всё больше и больше.

Одна за другой выходили на сцену исполнительницы – всё молодые девушки, а между ними совсем юные мальчонка с девчонкой. Одеты все были один краше другого – оно и понятно – концерт. Зал снова и снова наполнялся восторженными возгласами, аплодисментами и, конечно же, чарующей музыкой фортепианного искусства.

Народу было полным-полно, все очень разные и разнообразные, но многие походили на павлинов с распущенными хвостами, другие – на индюков напыщенных. Виднелась дама с роскошной причёской, одета она была явно в выходное платье, с серёжечками и прочими побрякушками; глаза – в тених, губы – в помаде, однако ничего излишне броского: вычурновато, но весьма со вкусом. Слегка приподняв голову, она вслушивалась в изобилие звуков, долетающих со сцены, – лицо её изобра-

жало улыбку страдающего. Неподалёку от неё – компания молодых мужчин, костюмированных, с галстуками; стрижки – аккуратные, туфли – лакированные. Пахнут духами, лица – соответствующие. Должно быть, скрипачи. Несколько седовласых справа и примерно столько же слева – старая школа, профессура. Музыкальная. Посадка интеллигенции, взгляды мудрецов – завидовать и почитать.

И много, много таких кругом – куда ни глянь, всюду звёзды. Другой бы на моём месте чувствовал себя крайне неудобно: одежда – секонд-хенд, рюкзак – не портфель. Я же чувствовал себя нормально – расположился позади всех, окружил себя теми несколькими свободными местами, что оставались. И вот, примерно после выступления молодого человека в весьма элегантном сером костюмчике, передо мной уселась женщина – совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. На ней была старая спортивная курточка – очевидно, мужская, юбка непонятного цвета и чёрненький беретик. Глаза подведены чем-то, напоминающим зелёнку, к волосам возле ушей прикреплены красные серьги. Женщина сняла берет – волосы на голове оказались почти седыми, не первой свежести. От неё попахивало. Она была явно чем-то обеспокоена, засуетилась, стала оглядываться по сторонам.

– Вы не подскажите, который час? – обратилась она ко мне.

В ответ я лишь развёл руками – мне было неведомо.

– А как долго будет длиться концерт? – говорила она громко, её совсем не смущало происходившее действие, что было в самом разгаре.

– Около часа, – выпалил я кратенько, стараясь избежать излишней суматохи.

Она отвернулась, уставившись на сцену. По окончании номера она заплодировала – я чувствовал, что она улыбается.

Длительной паузы не последовало, и рояль на сцене зазвучал вновь. Женщина с красными серьгами не унималась – она обратилась к соседке, что расположилась метрах в трёх от неё:

– Который час? Не подскажите?

Соседка кинула на неё полтора взгляда и отмахнулась – достаточно пренебрежительным образом, – она была занята прослушиванием великой классической музыки. Женщина же с красными серьгами, в свою очередь, вернулась к исполнителю – несколько минут она сосредоточенно вслушивалась в гуляющую по залу мелодию. Питалась духом искусства, так сказать.

Своих попыток в установлении истины касательно точного тогдашнего часа она не бросала, периодически подёргивая людей вокруг. На её вопрос о часе те ограничивались парочкой гримас или жестов, а чаще – игнорировали.

Добилась она ответа от какого-то мужичка, пришедшего на концерт со своей супругой. Они создавали впечатление людей, некогда плотно связанных со всякими искусствами, а позднее – потасканных жизнью и суровыми реалиями русского быта. В общем, люди из народа, немного кумекующие в фортепианной музыке, что явились вспомнить молодость и почувствовать себя членами высших сословий. Мужичок обратился к жене, та кинула взгляд на свои наручные часы, и женщина с красными серьгами наконец получила долгожданные сведения.

Она пересела – обосновалась позади меня и полностью отдалась музыкальному празднику, царившему в зале. Время от времени я слегка оборачивался, дабы уловить её лик – было заметно, как она улыбается и следит за тактом. Она хлопала в ладоши после каждого прозвучавшего номера.

В течение всего вечера от женщины с красными серьгами пахло, но я был очень рад, что ей удалось выяснить который тогда был час. До сих пор задаюсь вопросом: зелёной были подведены её глаза или чем-то иным?

Однажды я встретил одного поэта, чьи стихи были неплохи, однако некоторые – весьма посредственны, но я уважал его как общественного деятеля и творческую личность. Он жуть как любил говорить – порой по делу, а иногда и побалтывал. Так вот,

поэт этот был красноречив до безобразия – говорил почти так, как писал, – с чувством, с толком, с расстановкой. В общем, хорошо говорил. Засиживался он вечерами в одном достаточно культурном барчике – заслушивались его посетители и млели. Картина выдавалась преинтереснейшая: пара шахматистов, всё никак не заканчивающих уже давно начатую партию, очкастый старец с бородкой и изрядно остывшим кофе, несколько интеллигентных алкоголиков, поцеживающих коньяк из своих бокалов, и этот поэт-старожил, вещающий на все стороны. Он редко касался темы своего творчества, но было видно, что считает он себя великим. Мастером. Отец моего друга был с ним знаком – тщеславием страдал, говорит, поэт наш – жутчайшим. Умное какое словечко, а! «Тщеславие!» Некогда мне и неведомо было его значение.

Вы не сердчайте на меня, друзья, я уж горазд порою поосуждать людей. Дурно оно, дурно. Выходит, я и сам человеком являюсь лишь на троечку. Что ж, не всё ещё потеряно – покуда солнце светит над моею головой, я уж следить за мыслями своими обещаюсь, и коль сказал кривое хоть словцо, вы уж не сомневайтесь – я каюсь, каюсь, каюсь!

Первое мая

Родному моему городу Н. посвящается

Знаете ли вы, что в моём городе некогда строили корабли? О, какое это было время! Прекрасное время. Золотое. Вы только представьте себе, вообразите: тёплый весенний вечерок выходного дня – толпы людей прогуливаются по центральной улице города – женщины, мужчины, дети расхаживают целыми семьями, в воздухе витает соблазнительный запах свежей выпечки и домашнего молока, природа плещет жизнью, своим очарованием напоминает о приближении мая.

Понимаете, дело ведь вовсе не в кораблях. Мне вот на днях должно исполниться семьдесят восемь лет. Кажется, семьдесят восемь. Ну, точно не больше семидесяти девяти.

ти – это я знаю наверно. Вы не подумайте, ум мой так трезв и свеж, что дай Бог каждому. Мозги мои ещё, быть может, поселидней многих молодых приходится.

Да Бог с ними с этими кораблями! Одно обидно: загнулось наше кораблестроение. Кто виноват? Уж я-то знаю, но воздержусь в стенаниях своих, а то, глядишь, и экстремистом окрестят на старости лет, аль изменником Родины. Я-то как раз таки Родину свою люблю, а вот государство презираю. Загубили они Родину мою – аж плакать хочется. А городишко мой по сей день «городом корабелов» величают. Город остался, а куда корабелы делись – непонятно. Ну да ладно, не о кораблях, собственно, речь.

Так вот, шагаешь ты по центральной улице города... кстати, ей сейчас царское названьице вернули – Соборной величают, но для меня она, хоть стреляйте, всё та же Советская, что и пятьдесят лет назад... шагаете вы, значит, по Советской нашей, а на сердце песня льётся. И так хорошо повсюду... Ну чего, чего нам, проходимцам рабочим, надобно? Оклад стабильный, высокий, отпуск оплачивается – тут и в пансионат на бесплатной основе загреметь недолго. Да, порою и устать на службе приходилось, но чего же страшного тут, коль дело-то любимое? Это в радость. В общем, любили мы, заводские, с жёнами нашими любимыми по славной улице прогуливаться. Молодёжи тогда было – полно! Ну, её-то и сейчас хватает, но, ребятушки... разве это та самая молодёжь? Нетушки. Совсем другая.

В то время всякие неженатые желторотики по выходным дням только с одной девчонкой гуляли. Маршрут был прост и однообразен, но души и искренности в этом было столько, что вам, соборным, и не снилось. Парк, кафе, киношка. Всё было достаточно дёшево. На первом свидании ребята делали с девчонками задания по математике. Сейчас же на первом свидании ребята делают с девчонками детей. Срам! Мы испытывали трепет и волнение перед первым поцелуем – приходился он обычно в румяную и нежную девичью щёчку.

Да, коммунизм воспитывал поколения атеистов, но сердца того времени были значительно чище, чем в современную эпоху «либеральных» христиан, – это я знаю наверно. Я никогда не считал себя атеистом и никогда не состоял в партии. И строки эти я пишу не во славу коммунизма и старого режима, а ввиду своей глубокой любви к моей Советской Родине. Я за дружбу народов. И политика здесь совершенно не при чём. Я вообще никогда не принимал участия в выборах. Моя семья, может, и была частью социалистической системы, но у нас с женой всегда была своя голова на плечах и практиковали мы индивидуальное мышление.

Ходят слухи, что во времена Великой Отечественной войны фашисты «осматривали» убитых русских девушек годков эдак от 18-ти до 23-х – подавляющее их большинство оказалось девицами. С тех пор в массах выражение занятное гуляет: «хочешь победить народ – разврати их женщин». Мы были дружным и несокрушимым народом. Сейчас же нас уложили на лопатки. Тогда мы смело могли называться «Единой Страной» – и да, мы были по-настоящему едины – не так «липово», как сейчас. Что-то меня далековато занесло. Вы уж простите.

Особенно здорово было у нас на Советской в праздник Первого мая. Несмотря на то, что в основном народ наш работу свою любил, все были совсем не прочь и даже очень рады насладиться дополнительным выходным днём в кругу близких – семьи и друзей. Мы с женой, а позже к нам присоединился и наш сынишка, с радостью наблюдали за праздничным парадом – это всегда было торжественно и величественно. Нам довелось обладать здоровским плёночным фотоаппаратом – мы любили делать снимки. Мы всегда съедали по порции великолепнейшего отечественного пломбира – в такие дни мы чувствовали себя бесконечно счастливыми.

Тяжело словами передать то, как жилось нам в то время. Боюсь, что, коль не жил – не поймёшь. Да, ребята, я – ретроград, старый пердун, что склонен к меланхолии и

ностальгии по прошлому своему. Быть может, вам когда-нибудь доведётся уразуметь то, о чём я толкую. Но, право, как страшно мне думается о будущем вашем. Ах, молодёжь! Верно, впереди ещё вся жизнь, но что же в жизни этой? Бедные, бедные мои! Ваши сердца отравлены чужой губительной культурой, а страна ваша... наша с вами, то есть страна, вот-вот рассыплется. Хорошо бы случиться чуду да подарить вам доброе будущее, но, милые мои, лично я в чудеса не верую. Увы или не увы – решайте сами.

Что же вам нужно? От жизни-то? Денег? Славы? Разных приятностей? Голубчики, вы гонитесь за недогоняемым – не видать вам счастья в Новом Мире. Это я знаю наверно. Все вы рвётесь за границу, но при этом называете себя патриотами. Некоторые же из вас посиживают в этих «Мэкдонасах» и мечтают о сладкой заграничной жизни у себя дома. Ну, чудачки! Кстати, о «Мэкдонасах». Что же вы, родненькие, травите себя смолоду? Неужто вы так грезите этой своей заграницей, что ищите её в своём городе? Эх вы, искатели... Не о том печётесь. Вы знаете, что не так далеко от «Мэкдонаса» в нашем городе находится Храм? Очень советую. Желудки вам там не наполнить, а вот сердца подчистить попробовать можно. Там пища другая. Там пища духовная. Вы там не отравитесь и денег с вас никто не возьмёт. Люди, ну почему, почему Храмы наши пустеют со входами бесплатными, а «Мэкдонасы» и прочие клубы ночные кишат народом, переполнены? Это же абсурд! Человек современный ведь душу калечит, здоровье губит, и всё это сам добровольно оплачивает! Добровольно – значит по «доброй воле». Ох и каламбур.

Для того, чтобы стране лучше жилось, вовсе не обязательно крушить памятники и переименовывать улицы. Этого вообще делать не нужно. История – есть история. Это прошлое – его не изменить. Чего не скажешь о будущем – оно целиком в ваших руках, друзья. Но в головах ваших мысли о долларах – вам бы лизнуть зад чужестранному хозяину и хапнуть из государственной

казны. А дальше – бунт, революция... всё равно. Вертолёт всегда готов, не так ли? Ай, хватит об этом.

Говорят, в Советском Союзе секса не было. Конечно, это всё вздор, но дело не в этом. Секс-шмекс... В Советском Союзе была любовь! Любовь натуральная, настоящая и искренняя. Это я знаю наверно. Любили мы жён своих, мужей, детей и родителей, друга, брата и всякого товарища. Мы были заботливы, мы умели прощать. Мы не разводились с нашими жёнами, мы не бросали наших детей. Мы были трудолюбивы и образованны. А ещё нам очень нравился праздник Первого мая.

Притча о рыбнике и дипломате

Одной хмурой романтической осенью на закате солнечного сентября по узенькой раздолбанной дороге, широким шагом пошагивая, передвигалась фигура солидного человека. Господин этот солидным нами назван неспроста: на нём был чёрный, до безобразия хорошо выглаженный костюм, белоснежная сорочка, под пиджаком надёжно припрятанная, и туфли на средней высоты каблуке – до того лакированные, что были способны, казалось, на солнечных зайчиков. Герой наш от рождения своего зовётся Иваном, по отчеству – Семёновичем, а по фамилии – Скрипниковым. В городе он был достаточно известен, среди людей – глубоко уважаем и даже чуточку чудаковат.

Заключалась же вся соль в его высокой должности – для простого люда завидной и де-факто ответственной, а также в его никому не понятном предпочтении самостоятельно отовариваться каждую неделю на базаре для своей холостой семьи, из него одного состоящей. На базаре с ним всегда здоровались, а некоторые порою и низко кланялись, что самому господину Скрипникову решительно не нравилось. Положением своим он нисколько не кичился, и глубоко смущался каждый раз, когда на него «снизу вверх» смотреть пытались. Персо-

ной он прослыл загадочной, но две вещи о нём известны наверняка: Иван Семёнович был человеком одиноким и жутко охотливым до хорошей рыбы. Покупал он её, рыбу то есть, всегда в одном и том же месте, у одного и того же торговца, в одном и том же количестве.

Что же касается рыбника этого, что регулярно снабжал нашего Ивана Семёновича свежей рыбёшкой, то он был парнягой более скромной наружности и популярности, однако немало известным малым среди местных. Все его знали как дядю Толю – он был честным и добродушным мужичком, никого не обсчитывал и всем улыбался. Своих покупателей он знал как облупленных, многих – по имени-отчеству. Иван же Семёнович интересовал его особенно и значительно более остальных – он часто читал в глазах его какую-то скорбь, совершенно ему непонятную. «Не может, не может такой человек, как Иван Семёныч с эдакой кислой миной расхаживать», – думалось дяде Толе.

Та узенькая раздолбанная дорога, по которой в тот день шествовал господин Скрипников, вела напрямик к базарной будке дяди Толи, а это значило одно – для нашего дипломата в очередной раз наступил рыбий час.

И вот перед его взором выросла та самая будочка, а с ней и дядя Толя, с улыбочкой «на все тридцать два». Подле него виднелась какая-то баба – сварливая женщина местного разлива. Тотчас же, как эта баба была замечена Иваном Семёновичем, слышался её сдавленный, но достаточно звонкий голосишко:

– Меленькой мне вот этой килограммчик взвесь-ка. Да только не больше, балда! Ты слышал? Ровно один килограмм.

– Ты чего злая такая, Степановна? Понял я. Один килограмм вот этой меленькой. Что ж тут непонятного-то? – отозвался дядя Толя.

– Ай, знаем мы вас, рыбников! Торгашей эдаких! Всё вы надурить горазды!

– Эх, Степановна, Степановна... Никого я ещё в жизни своей не надурил. Рыба – это дело святое!

– Ой, куда там! Праведник ты наш! Давай взвешивай, кому говорят? Раскудахтался...

За время работы своей дядя Толя немало народу повидал всякого, разношёрстного. И сколько же дури ему попадалось! Он для себя давно решил: улыбка – лучшее оружие против невежества. Лицемерить ему не приходилось – натура позволяла быть приветливым и снисходительным. Пока дядя Толя взвешивал один килограмм «меленькой» для Степановны, за спиной у сварливой женщины выросла фигура господина Скрипникова.

– Ой, Иван Семёнович! Здравствуйте, дорогой! А я вас сразу и не заметила! Простите, ради бога! – засуетилась тут же Степановна.

– Здравствуйте, Ольга Степановна. И вам день добрый, дядя Толя, – выдал из себя Иван Семёнович.

– Я тут килограммчик буквально меленькой прикупить решила... Вы, должно быть, торопитесь? Так извольте же... туточки, передо мною...

– Нет-нет! Всё в порядке. Я подожду.

– Ну как же? Вы, право, торопитесь! Я понимаю, должность... Дел невпроворот!

– Да успокойся же ты, Степановна! – вмешался дядя Толя. – Вот твоя рыба! Ровно килограмм. Червонец с тебя!

Та обернулась, кинула на рыбника пару косых взглядов и вытащила из своего кошелька червонец.

– На, прохвост! Смотри, коль обсчитал, так я тебя... ладно, спасибо. Но дома я обязательно твою рыбу на кантере своём взвешу! И не дай бог ты меня обсчитал!

– Приятного аппетита! – кинул ей вслед дядя Толя.

– До свиданья, Иван Семёнович! – захихикала она в сторону господина Скрипникова.

– До свиданья, – промолвил тот.

Дядя Толя выдохнул с облегчением и, мысленно перекрестившись, обратился к Ивану Семёновичу:

– И так каждый раз!

– Женщины... – отвечивал тот.

– Иван Семёныч, родненький, ну причём же тут женщины? – возмутился торговец. – Тут дело ведь в похабном воспитании

и дурном обществе. Вот жена моя, голу-бушка, совсем не такая, как эта Степановна. Она у меня – золото!

– Не такая, говорите?

– Ну да! Нас вот когда с квартиры в прошлом месяце выселили, она мне сцен никаких не закатывала. Расстроилась, конечно, как и я равно, но тут же смирилась, как женщина благоразумная. Но главное – это глаза! Её глаза всегда полны любви – и в радости, и в горе. Хороший она человек, жёнушка моя, воспитанный. А вы говорите – женщины!

– С квартиры вас, значит, выселили? – переменял тему Иван Семёнович.

– Верно. В прошлом месяце.

– И где же вы теперь живете?

– На другой квартире.

– Пха! – вырвалось у Ивана Семёновича.

– Что значит это ваше «пха»?

– Да так... Вы уж извините меня, но как же это паршиво... знаете, рыбником, ещё и на съёмной квартире!

– Хм... Ну, оно-то, может, и паршиво в каком-то смысле, но совсем не постыдно. Рыбу ведь тоже кому-нибудь продавать надобно. А то что же? Коль все на должностях будут, то кому же прикажете за прилавком стоять? Нет, Иван Семёныч, я работы своей не стыжусь. А квартира съёмная... не самый плохой вариант, между прочим. К тому же это явление временное.

Господин Скрипников помолчал с пару секунд, дух перевёл и беседу продолжил:

– На жилишко своё, стало быть, копите?

– Пока не копим. Но скоро начнём. Непременно.

– А взвесьте-ка вы мне, дядя Толя, полтора кило карася.

– Карася? Это можно. Но, Иван Семёныч, куда же вам столько? Одному да полтора кило... Всегда же меньше брали! Не многовато ли будет?

– Нормально будет. Давай полтора! – несколько возмущённо выпалил Иван Семёнович. Дядя Толя молча полез за рыбой и стал упаковывать.

– Извините меня, дядя Толя, что я так... резковато...

Тот захватил ещё одну рыбёшку и взвалил на весы.

– Ничего, Иван Семёныч, ничего. Всё нормально. А позвольте-ка вопросик маленький?

– Вопросик? Да, конечно, задавайте пожалуйста.

– Отчего вы всё такой грустный ходите? Будто в воду опущенный...

Иван Семёнович был несколько ошарашен. Такого вопроса он уж точно не ожидал.

– Я-то?

– Вы, вы.

– Ну... как вам сказать... А что, действительно грустный?

– О, не то слово! Мне на вас жалко смотреть становится. Может, приключилось у вас чего?

– Ха! Да, дядя Толя, приключилось! Жизнь, знаете ли, приключилась.

Дядя Толя раздался пронзительным смехом – почти хохотом. Вскоре однако ему удалось с собой совладать и успокоиться почти полностью. Немного подхихикивая, он спросил:

– Что же не так... хи-хи... с вашей жизнью? Уж вам-то жаловаться!

– Да всё не так, дядя Толя, решительно всё. Вам смешно, а мне плакать хочется, – вздохнул господин Скрипников.

Лицо рыбника в миг обрело серьёзное выражение.

– Расскажите?

Иван Семёнович колебался, колебался, всё помалкивая, не решаясь продолжить разговор – тот явно обретал откровенный характер. Откровенничать с рыбником? Немыслимо! Но дядя Толя – этот миленький, вечно улыбающийся мужичок так располагал к себе! Он всё решался, решался и... наконец решился. Вот каким вышел его рассказ:

– Понимаете, дядя Толя... Судьба сыграла со мной злую шутку. Вот вы скажите мне, кто я, по-вашему? Высокая птица, успешный человек! А оно, знаете, как бывает? Школа, лицей, университет, стажировка... и дальше по карьерной лестнице. А потом раз – дипломат! Дядя Толя, мне

уже сорок четыре года... Сорок четыре! У меня должность, высокий оклад, я пользуюсь уважением в обществе! В голове – куча знаний – нужных и ненужных, в записной книжке – тьма каких-то фамилий... всё коллеги, знакомые, временные друзья. Домик у меня, знаете, прехорошенький, сад и бассейн имеются, авто заграничное, а в душе... пустота. Вам известно это чувство? Помню себя молодым – сколько амбиций, энтузиазма! Я был полон идей и целей... А сейчас что? Идеи воплощены в жизнь, цели достигнуты, а в душе – пустота. Ну и на кой чёрт мне, спрашивается, все эти деньги? О, дядя Толя, я так одинок! Знаете, у меня было немало женщин – всё одни стервы продажные. Может, оттого я и не люблю их, женщин этих, что попала мне одна только шушера... А что, есть на свете женщины непродажные и несварливые? Дядя Толя, расскажите мне о вашей жене...

Рыбник выслушал господина Скрипникова молча, не перебивая, не хихикая и вообще едва подыхая. С его лица испарилась всегдашняя улыбка, он только-только моргнул – впервые с момента начала рассказа его собеседника. Дядя Толя попытался сглотнуть – в горле, казавшийся намертво замершим, ощущался ком, весьма неприятный. Помолчав ещё с пару секунд, он таки отважился на несколько слов:

– М-да, Иван Семёныч... Вот это вы выдали.

– Что я выдал? Я вам тютючки... как на духу – всю подноготную! – несколько обиженным голосом защебетал господин Скрипников. – И это всё, что вы можете мне сказать?

– Нет-нет, Иван Семёныч, погодите... Я вот что... Спросить хотел. Вы что же, выходит, совсем несчастны?

– Несчастен! Нес-час-тен! Совершенно и абсолютно!

– Как же так? У вас ведь такая должность...

– Да пропади она пропадом эта должность! – он перевёл дыхание. – Я ненавижу свою работу.

– Ох и удивили вы меня сегодня, Иван Семёныч... Ох и удивили! – отвечал дядя Толя. – Чего же вы в таком случае хотите? Чего желаете?

– Если бы я знал, дядя Толя. Если бы я только знал...

Рыбник уставился на него печальными глазами – в тот момент он ему пытался сострадать. Университетов дядя Толя не кончал, книжек умных не читывал и должностей высоких в жизни своей занимать ему не приходилось. Он никогда не был несчастен. Понять Ивана Семёновича ему было не дано, но он действительно пытался ему сочувствовать, искренне старался сострадать.

– Вы всё ещё хотите услышать рассказ о моей жене? – осведомился человек за прилавком.

– Нет, дядя Толя, не хочу. Боюсь, я вам тут же стану завидовать. А зависть – штука нехорошая. Одно скажите мне – вы счастливы?

– Да. Счастлив. Я по-настоящему счастлив.

– Я так и знал. Мне всегда так больно смотреть в ваши весёлые глаза... Я всё гадал: лицемерите вы или нет.

От дяди Толи повеяло лёгким возмущением.

– Как же? Как же? Никакого лицемерия. Я никогда не дурил людям голову, Иван Семёныч, в моей жизни всё действительно хорошо. К тому же, глаза не могут врать. Какое же тут лицемерие?

– Вам повезло встретить достойную женщину...

– Хм... Мне, Иван Семёныч, конечно, повезло, по-крупному повезло, но дело тут не только в этом.

– А в чём же ещё?

– Да я всегда по жизни с высоко поднятой головой шагал – в хорошем смысле то есть. Знаете ли вы, каково это – довольствоваться малым? Ну там, ценить то, что имеешь...

– Это вроде как у Омара Хайяма...

Дядя Толя вопросительно на него уставился.

– Ну, там, где про чёрный хлеб.

– Не читал.

Иван Семёнович махнул рукой.

– Что вы хотели этим сказать?

– Не страшно, говорю, что не читали.

Вы это всё и так понимаете. А вот я – читал, а толку-то? Хлеб мой не чёрный, а вот душа... О, это ещё большой вопрос!

– А что – душа?

– Пустая и чёрная.

– Отчего же чёрная?

– От «чина» высокого.

– Вот как...

– Да, дядя Толя. Большая должность и большие деньги развращают людей. Я страшно испорчен.

Разговор их был прерван неожиданно нагрянувшим из ниоткуда прохожим – он вихрем пронёсся подле господина Скрипникова и неслабо задел того плечом. Товарищ этот тотчас же выругался по матери.

– Чего стоишь тут в развалочку, козёл? – добавил он, оборачиваясь к господину Скрипникову. – Ой, это вы, Иван Семёнович? Я так торопился, что совсем не заметил... Простите меня, Иван Семёнович! Вы не ушиблись?

– Спасибо, со мной всё в полном порядке, – отвечивал Иван Семёнович.

– Ох, слава богу! Слава богу! Ну, я побежал... тороплюсь! Ещё раз простите! – провинившийся удалился быстрым шагом, сменив его впоследствии на бег.

Иван Семёнович вновь заговорил, к дяде Толе обращаясь:

– Люди – они такие создания... знаете, двуличные. Такие себе хамелеоны. Порою я даже жалею, что уродился человеком.

– Это вы зря, Иван Семёныч, зря... Человеком ведь не рождаются, человеком становятся. Это ещё заслужить надобно!

Господин Скрипников молчал, дядя Толя – тоже. В воздухе повисло жалкое ощущение неуютности – пауза уже начинала затягиваться, как вдруг тишину нарушил голос из-за прилавка:

– Вы рыбку-то свою возьмите, Иван Семёныч! Уверен, останетесь довольны! И знаете... платить не нужно. Считайте, что это мой вам подарок.

Иван Семёнович устался на собеседника удивлённым, вопрошающим взглядом.

– Шутить изволите? Ну уж нет! Это вы, будьте так любезны, возьмите вот... так сказать, от всей души, – он достал из кармана свой бумажник, вынул оттуда его содержимое и протянул рыбнику – виднелись купюры отечественной и иностранной валюты. Сумма приличная.

– Обидеть меня надумали? Уберите ваши деньги! Мне чужого не нужно!

– Бросьте, дядя Толя... Вам с женой не помешает ведь!

– Нет! Не возьму и не просите! Деньги мы и сами как-нибудь заработаем.

Иван Семёнович убрал деньги обратно в бумажник и, в оскорблённых чувствах будучи, промурлыкал:

– Как вам будет угодно...

– Вы у меня, Иван Семёныч, рыбки ровнёхонько на двадцать шесть рублей взяли. Так дайте же мне мои заслуженные двадцать шесть рублей и заберите свою рыбу.

Господин Скрипников снова полез в свой бумажник и отсчитал запрашиваемую сумму.

– Вот, пожалуйста, – он протянул руку, – ваши двадцать шесть рублей.

– Благодарю покорнейше! Возьмите ваших карасиков, – дядя Толя вручил своему покупателю пакет с рыбой.

– Спасибо и вам.

Помолчали. Иван Семёнович уходит не спешил. Дядя Толя вновь заговорил первым:

– Ну, Иван Семёнович, до следующей недели?

– До следующей недели, – ответил господин Скрипников и отправился домой – обратно по узенькой раздолбанной дороге.

Присмотрись

Видишь даму около фонтана? Да-да, ту, что с ребёнком. Она выглядит счастливой. А этот малыш, должно быть, её сынишка. Как забавно он смеётся, когда разгоняет птиц – просто прелесть. Почему они разлетаются? Чувствуют угрозу? Да брось. Какую опасность для них может представлять

столь юное дитя? Они всегда возвращаются. Потешить мальчика? Да нет, они просто глупы. Однажды этот мальчик вырастет и женится. У него появятся свои дети, и его комната наполнится таким же волшебным детским смехом. Как здорово, что Бог подарил нашему миру ветер. Привлекательность этой дамы приумножается вдвое, когда её каштановые волосы окутываются нежной лаской ветра. Мне очень нравится. Прискорбно, они уходят. Желаю вам прекрасной жизни, люди.

Тебе нравится смотреть на цветы? Лично я всегда восхищаюсь приходом весны. В этом краю зимы холодные и долгие, так что мы успеваем отвыкнуть от красоты цветов. Сегодня я не удержался и совершил преступление. Я отнял жизнь у одного одуванчика, за что и раскаиваюсь. Он окрасил мой нос в жёлтый цвет – значит, я влюблён. Не могу не согласиться – это магическое чувство.

Вот и пришёл конец моему одиночеству. Что ты думаешь о том старике? Верно, на соседней лавке. Седина ему к лицу. Видно, его терзают проблемы с руками – смею предположить, что это артрит. Но в его сердце ещё кипит жизнь. Оставим его, не будем мешать наслаждаться солнечным теплом.

Меня всегда интересовало это маленькое сливовое деревце. Откуда я знаю, что оно сливовое? Дело в том, что за все эти годы на этой почве не прижились только два фруктовых дерева – груша и слива. У груши листья иные, так что это определённо слива. Ты задаёшь слишком много вопросов, мне это нравится. Благо, остались ещё в нашем мире любознательные люди. Так о чём это я... Ах да, слива! Ты думаешь, почему она так славно выглядит, хоть и не дала плодов? Да потому что её не замечают. Сотни людей ежедневно проходят здесь, и никто её не замечает.

Я часто сижу здесь и наблюдаю. Могу часами тут сидеть и любоваться картинкой сего дивного места. И знаешь, что удивительно? Картинка каждый раз меняется – сюда приходят разные люди. Некоторых я помню поимённо. Нет, я не завожу с ними

разговор. Как я уже сказал, я просто наблюдаю. Наблюдаю и слушаю. Ты, наверное, удивишься, если узнаешь, как разнообразен и интересен наш мир звуков. Да взять хотя бы этот фонтан. Когда закрываешь глаза и прислушиваешься, то создаётся ощущение, что ты летишь. Я серьёзно. Тобой когда-нибудь овладевало страстное желание улететь? Далеко-далеко. Улететь и не возвращаться. Вероятно, это и называется свободой. Проблема заключается в том, что я труслив. Да, я самый законченный трус. Именно поэтому мне никогда не стать по-настоящему свободным. А ты можешь. У тебя ведь ещё все впереди! Однако, ты должен быть осторожен и не терять голову. Не повторяй моих ошибок.

Смотри, влюблённые! Как сияют их лица, как горят глаза. Держу пари, они здесь впервые. Надо же, они держатся за руки – сегодня это большая редкость. Парниша не позволяет себе лишнего – ничего распутного. Скажешь, он джентльмен? Нет же, он просто влюблён. Они очень гармоничны и явно питают друг к другу самые светлые чувства. Дай Бог им счастья.

Здесь на удивление чисто. Мне всегда импонировали по-настоящему чистые места. Я не имею в виду отсутствие окурков на земле, вовсе нет. Я говорю об атмосфере. Ты чувствуешь её? Изумительно. Кстати говоря, окурков здесь тоже не сыщешь. Вот бы везде так было.

Взгляни налево – там девочка с мороженым. Если зрение меня не обманывает, оно абрикосовое. Должно быть, её любимое. Славная малышка – вся сияет. Как мало некоторым нужно для счастья! У этой девочки забавные косички. А что насчёт улыбки? По-моему, она просто ангельская. Ступай, девочка, ступай, и храни эту улыбку на своём лице.

Сегодня все какое-то особенное, даже небо. Как часто ты смотришь на небо? А когда смотришь, что ты видишь? Бесформенные облака на фоне бесконечной синевы? Как угодно. Я предпочитаю называть это красотой. Абсурдно? Ничуть. Что же есть красота, как не окружающий нас мир?

Я скажу тебе больше: это искусство. Людям стоило бы почаще устремлять взгляд в небо. Можно и ночью – звёзды заставляют мечтать.

Тебе знакомо чувство гармонии? Оно сродни счастью – ощущению абсолютной удовлетворённости. Может, это и есть Рай? Если это так, то остаётся только всплакнуть и пожалеть тех, для кого это чувство чуждо и неизвестно. Как много людей сегодня пребывают в своём персональном аду! За чем они гонятся? За деньгами? Славой? От таких мыслей мне становится грустно. Но ты не думай об этом – ты для этого ещё слишком молод. Живи и радуйся жизни. Смейся, влюбляйся, совершай самые безумные поступки, какие только возможны, и никогда не жалея. Никогда и ни о чём. Ты ещё успеешь погрустить и покритиковать. Живи и будь благодарен. Двигайся вперёд. Взлетай, ошибайся и падай. Взлетай вновь и никогда не сдавайся.

Как кратко и порой абсурдно бытие! Человек рождается и умирает, снова и снова. Так происходит постоянно, и у тебя может появиться желание узнать, в чём же смысл всего этого. Увы, я не могу ответить. Знаю только, что с годами на жизнь смотришь по-другому, под иным углом. Перед твоим взором всплывают все те ошибки, совершенные тобой, которые ты так и не исправил – не смог или не захотел. Способность

увидеть свет в конце тоннеля – великое дело. Важно не опоздать.

Боже, мы с тобой так заболтались, что едва не заметили эту дивную пташку. Видишь? Да вот же она: среди веток акации. Белый – прекрасный цвет. Спрашиваешь, что я в ней нашёл? В общем-то, ничего особенного – простая себе белая пташка. Но если задуматься о пути, который она преодолела о местах, в которых побывала, успеваешь ненароком восхититься. Сдаётся мне, это ласточка? Птицы долго не живут, но жизнь у них интереснее, чем у многих людей. Только подумай о пейзажах, открывшихся её крохотным глазкам. Дух захватывает! Вскоре она улетит – покорять новые горизонты.

Ты находишь все это странным? Детский смех, роскошь развевающихся на ветру волос прелестной дамы, огонь, пылающий в глазах старика... Я обратил твоё внимание на эти вещи. Я хотел, чтобы ты увидел в них то, что видится мне. Согрели ли улыбка девочки с абрикосовым мороженым твоё сердце? Вдохновился ли ты гармоничностью влюблённой пары? Надеюсь, эта белая ласточка развязала в тебе желание совершать большие поступки. Все это и есть жизнь, мой друг. И я прошу тебя прочувствовать настоящие вещи, увидеть красоту в безобразном мире. Счастье ближе, чем кажется. Открой глаза. Присмотрись.

ВЛАДИМИР
КОЛАБУХИН 16+

ТАЙНА
пансионата «Уют»

По программе «Новые имена современной литературы»

Купить книгу
planeta-knig.ru/shop/2134/desc/tajna-pansionata-ujut

